

Роберт Л. Карнейро*Американский музей естественной истории, Нью Йорк*

Да и кто из вас, заботясь, может прибавить себе росту *хотя* на один локоть?

Матфей 6:27

Пионер американской социологии Лестер Ф. Уорд полагал, что появление государства есть «результат незаурядного использования дара мышления», достижение настолько исключительное, что «оно должно было быть эманацией одного мозга или нескольких действовавших сообща умов...» (Ward 1883, 2: 224).

Возвеличивание Уордом идей как первостепенных факторов политической эволюции не являлось чем-то необычным для того времени. В эпоху Возрождения человеческий разум заменил волю Бога как первичный двигатель истории, и те, кто разделяли эти взгляды, с легкостью рассматривали идеи как первопричину, ведя речь о происхождении множества институтов. Обратимся к некоторым проявлениям такого подхода.

В «Курсе позитивной философии» Огюст Конт (Comte 1830–1842, 1: 48) утверждал, что «любому читателю данной работы не надо доказывать, что мысли управляют миром и разрушают его...». Английский последователь Конта, Джон Стюарт Милль (Mill 1856, 2: 517) был уверен, что «упорядоченность человеческого прогресса во всех отношениях будет зависеть в основном от продвижения вперед интеллектуальных взглядов человечества...». Ральф Валдо Эмерсон, который, по словам Лесли Уайта (White 1949: 279), «обеспечил интеллигенцию Америки вербальными отражениями, называемыми “мыслями”», провозгласил, что «мысль всегда предшествует факту; все факты истории существовали сначала в уме... Каждая революция сперва была мыслью в голове какого-то человека...» (Emerson, n.d.a.: 1–2).

Английский историк Лорд Эктон, более известный своими афоризмами о власти и коррупции, дал одну из самых четких формулировок идеалистических позиций в отношении хода истории:

... в популярной литературе широко распространена материалистическая тенденция. Но что нам действительно нужно и что мы должны

требовать от наших историков, так это как раз противоположное. Если история должна быть истолкована как интеллектуальный, а не естественный процесс, то изучать ее следует как историю разума.

И далее он продолжает:

Поступки, как и слова, есть знак мысли: и если мы учитываем только внешние события, не прослеживая ход мысли, выражением и результатом которой они являются... тогда мы имеем всего лишь оставшее от жизни понятие истории... (цит. по: Lally 1942: 216).¹

Как бы то ни было, с развитием общественных наук стали происходить глубокие изменения в интерпретации истории человечества. Материальным условиям стала отводиться большая роль в истории. Тем не менее некоторые антропологи XIX в. все еще придерживались убеждения о доминирующей роли мысли. Адольф Бастиан, по словам Гумпловича (Gumplowicz 1899: 38, 38–39), «приписывает все социальные явления человеческой мысли... У него мысли всегда первичны, поступки есть их проявление». Примерно теми же словами А. Х. Питт-Риверс (Pitt-Rivers 1906: 21) говорил о «науке о культуре, в которой объекты трактуются как эманации человеческого разума...».

Возможно, наиболее серьезное утверждение «идеологического детерминизма» в антропологии можно найти в работах сэра Джеймса Фрэзера (Frazer 1913: 168):

Чем больше мы изучаем внутреннюю деятельность общества и прогресс цивилизации, тем яснее мы осознаем, что оба они управляются влиянием мыслей, которые, зарождаясь сначала, неизвестно как и когда, в нескольких лучших умах, постепенно разрастаются, пока не захватят всю инертную часть ...человечества.

И эта точка зрения не исчезла по мере развития общественных наук. На самом деле, определенная часть социологов и антропологов придерживается этих взглядов и сегодня. Толкотт Парсонс, возможно, наиболее влиятельный социолог своего поколения, утверждал, что «основные дифференцирующие факторы социокультурной эволюции гораздо более “идеальны” ...нежели “материальны”» (Parsons 1972: 5). И далее: «я уверен, что в рамках социальных систем нормативные элементы более важны для социальных изменений, чем “материальные”...» (Parsons 1966: 113).

Роберт Редфилд (Redfield 1955: 30) придерживался тех же взглядов:

Мир людей состоит в первую очередь из идей и идеалов. Если изучать зарождение городских сообществ из более примитивных общин, то именно перемена в ментальной жизни, в нормах и стремлениях, а также в характере личности становится самым важным аспектом трансформации.

Целью данной статьи является более детальное рассмотрение того, что может подразумеваться, когда теоретики допускают первичность

мыслей в эволюции культуры. И в частности, я бы хотел определить, насколько удачен может быть такой подход при рассмотрении первого ключевого шага в политической эволюции – зарождения вождества.

КУЛЬТУРНО-МАТЕРИАЛИСТИЧЕСКИЕ ИНТЕРПРЕТАЦИИ

Наряду с мнением, что идеи (мысли) есть первичный двигатель культуры, среди первых эволюционистов зародилась и противоположная точка зрения: традиции, верования и институты можно лучше объяснить, если соотнести их с материальными условиями, которые им предшествовали и сопутствовали.

Конечно, эти два противоположных мнения не всегда встречались всецело разделенными, в чистом виде. Один и тот же ученый мог выражать материалистическую точку зрения относительно одного явления и идеалистическую в отношении другого. Льюис Г. Морган, например, использовал в основном идеологические детерминанты, рассматривая социальные институты, а материальные – когда рассматривал технические изобретения. Подобный «дуализм» можно найти и в работах Э. Б. Тайлора (подробно см.: Carneiro 1973: 99–100, 102–104).

Герберт Спенсер, третий великий эволюционист XIX века, более последовательно придерживался материалистических взглядов. Или, по крайней мере, его редко можно было увидеть в лагере идеалистов. Так, опровергая постулат Конта о том, что «идеи управляют миром и разрушают его», Спенсер (Spencer 1891: 128) утверждал, что «идеи не управляют и не разрушают мир: миром управляют и его разрушают чувства, для которых мысли являются всего лишь проводниками». А говоря о политической эволюции, Спенсер (Spencer 1890: 395) обобщил свои взгляды на социальную причинную обусловленность, утверждая, что «появление простого политического руководства, как и развитие сложного политического руководства, определяется условиями, а не намерениями».

Тенденция поиска факторов, определяющих социальные формы, в окружающей среде, продовольственном обеспечении, экономике и тому подобном появилась в антропологии, получив поддержку в работах таких ученых, как Кларк Уисслер, Джулиан Стюард, Лесли Уайт и Марвин Харрис. По сути, сейчас антропологи, специализирующиеся на изучении политической эволюции, археологи они или этнологи, в основном придерживаются культурно-материалистического подхода к данной проблеме.

Тем не менее идеалистическая позиция, как я уже отмечал, отнюдь не исчезла. В последние два десятилетия наблюдается возрождение интереса к символическим и идеологическим аспектам культуры. Все это хорошо и правильно. Но одно дело – устанавливать, фиксировать и интерпретировать систему идей народа, и совсем другое дело – возвышать эти идеи до положения первопричины при рассмотрении социополитической структуры его общества. Хотя тенденция заниматься

именно этим все еще заметна. Наследие Роберта Редфилда живет и здравствует в университете Чикаго и еще кое-где. На самом деле, оно даже, возможно, распространяется. Соответственно вполне уместно издать предупреждение: «инфекция» идеализма не только заразна, но и опасна. И все же ситуация ни в коем случае не безнадежна. Хотя с профилактикой заболевания уже опоздали, еще может быть не поздно прописать противоядие и эффективное лечение. В любом случае, надо попробовать.

В узком смысле цель данной статьи, как я уже говорил, состоит в том, чтобы выяснить, насколько обоснованно рассмотрение зарождения вождества в терминах идеологии. Но раз эта проблема является частью более общего вопроса – а именно о ценности идеологического объяснения при рассмотрении культурных форм в целом, – кажется разумным разобраться с общим вопросом, прежде чем концентрироваться на более частном.

СУЩНОСТЬ ПРОБЛЕМЫ

Итак, что же конкретно имеют в виду теоретики, когда утверждают, что идеи лежат в основе вождества или любого другого института? Является ли такое утверждение чем-то бóльшим, чем просто изложением очевидного? В конце концов, любому действию человека, если это действие совершается не по принуждению, предшествует мысль (намерение). Я подбираю камень и бросаю его в дерево, потому что перед этим у меня появилась **мысль** сделать это. Идеи (мысли) – это необходимые анцендентные состояния ума, предшествующие почти любому человеческому поступку. И если это все, что может предложить «идеологический детерминизм», то, на самом деле, это банально. **Конечно**, идеи должны предшествовать действиям и создавать волевые акты, которые реализуются через эти действия. Ручка в моей руке не сдвинется ни на дюйм, пока я не решу, что **я хочу этого**. Карл не увенчал бы себя коронной императора франков, если бы **он** не задумал сделать это. Но приобретаем ли мы что-нибудь для нашей способности объяснять явления, лишней раз утверждая нечто само собой разумеющееся? Ничего. На самом деле, мы даже что-то теряем, делая это. Мы несем потери, потому что создаем **иллюзию** объяснения там, где его нет и в помине.

Идеи могут быть необходимыми предпосылками для любого действия, но то, что именно они являются **непосредственной** причиной, не делает их **основной** причиной. Идеи не могут быть приняты как **данные**, их необходимо проследить до **источника**. А их источник – это всегда **матрица условий**, из которых они возникли, но не индивид, в уме которого эти элементы случайно комбинировались. Мысль может быть «родителем» поступка, но «родителями» мысли всегда являются условия. У идей есть последствия, но у них есть и причины.

Таким образом, в человеческом поведении мысль есть всего лишь промежуточная связь, среднее звено между Условием и Результатом.

Только если мы выбросим звено причинной обусловленности, мы действительно придем к представлению, что существует следующая причинно-следственная связь «мысль → результат» вместо более полной последовательности «условие → мысль → результат». Но теперь получается, что если мысли неизменно проистекают из связи предшествующих условий, то мы, возможно, продвинемся в нашем поиске происхождения социальных институтов, если перестанем концентрироваться на идеях и займемся розыском этих самых условий.

Отрицать это, по сути, означает доказывать, что идеи, преобразующие общества, – это те идеи, что возникают в глубине души нескольких одаренных индивидов и которые появляются там, чистые и не испорченные, не запятнанные никакими контактами с окружающей средой. У этой точки зрения, конечно, были и есть сторонники. Она имплицитно выражена в высказывании Ральфа Валдо Эмерсона (Emerson n.d.: 380), «что общественный институт есть увеличенная тень одного человека...». Эта точка зрения явно присутствует в утверждении Уильяма Джеймса (James 1880: 458), что великие изобретения истории, социальные и технические, «были гениальными проблесками в умах отдельных людей, для которых в окружающей среде не было никаких предзнаменований».

Мы обнаруживаем тот же взгляд в попытке Джеймса Брестеда приписать появление монотеизма необычайному гению одного человека – фараона Эхнатона:

До Эхнатона история мира была всего лишь непреодолимым потоком традиций... Эхнатон был первой личностью в истории. Осознанно и преднамеренно с помощью мыслительного процесса он завоевал свои позиции, а затем открыто противопоставил себя традиции и уничтожил ее (цит. по: White 1949: 237)².

Приведенные утверждения ясно показывают, что одной из опасностей идеологической интерпретации истории является та легкость, с которой она соскальзывает в зыбучие пески теории Великих Людей. И, по крайней мере, уже со времен Герберта Спенсера признается существование непреодолимых проблем с той точкой зрения, что великие культурные прорывы случались благодаря Великим Идеям, порожденным Великими Людями. Основная сложность здесь заключается в объяснении появления Великих Людей. Почему, например, была такая многочисленная группа одаренных людей в Афинах с VI по IV в. до н. э. и почти ни одного после этого периода?

Те, кто верят в Великого Человека или Гения, легко принимают тот факт, что они не могут найти объяснения этому феномену. Джон Фиске (цит. по: Payne 1900: 142), например, полагал, что «социальный философ должен просто принимать гениев как факт, так же как Дарвин принимает спонтанные мутации». А Джастин Каплан (Kaplan 1983: 250), получивший Пулитцеровскую премию за лучшую биогра-

фию, подтверждает, что «гений работает в своей собственной ослепительной темноте, в которую не могут проникнуть обычные способы объяснения».

Ранее мы отмечали, что Джеймс Фрэзер приписывал прогресс цивилизации идеям, исходящим из «нескольких лучших умов». Там же Фрэзер (Frazer 1913: 168) продолжает:

Происхождение таких мыслительных мутаций со всеми их далеко идущими социальными последствиями так же неясно, как и происхождение тех физических мутаций, от которых, если верить биологам, зависит эволюция видов... Возможно, та же Неизвестная причина, которая определяет один набор мутаций, порождает и другие...

В таком случае, «гений» непостижим и необъясним. То, что творит «гений», единично и уникально, оно бросает вызов всем законам и выходит за пределы рационального понимания.

Нет необходимости говорить, что такой взгляд на главные движущие силы истории есть полная противоположность науке. В действительности, это проклятие науки. Задача науки – обнаружить сеть тех причин, которые все разъясняют. Наука не занимается явлениями, которые по сути своей необъяснимы. Если есть объект подобного рода, то наука отрицает его существование. Или, по крайней мере, предпринимаются все усилия снять эту маску необъяснимости с такого объекта.

Таким образом, наука сразу отражает нападки Уильяма Джеймса, утверждающего, что изобретения «были гениальными проблесками в умах отдельных людей, для которых в окружающей среде не было никаких предзнаменований». Также нужно отметить, что уже в следующем номере журнала, где были опубликованы взгляды Джеймса на эту проблему, появились решительные возражения Гранта Аллена. Аллен писал (Allen 1881: 381):

«Случайные» и «спонтанные» мутации доктора Джеймса, как бы тщательно он их ни замаскировывал, это всего лишь длинные названия для чудес... Теория спонтанных мутаций, случайно воспроизводящих гениев... это не более чем обожествление Каприза, представленного как объект, который способен инициировать изменения за пределами сферы физической причинности.³

Итак, когда идея считается необъяснимой, то перчатка вызова сразу бросается общественной науке. И вызов состоит в том, чтобы раскрыть обстоятельства, при которых появилась эта «необъяснимая» мысль, раскрыть ее как детерминированный результат специфических условий.

Каждая из великих идей в истории – одомашнивание растений, плавка металлов, письменность, гравитация, эволюция, относительность и т. д. – на самом деле может появляться в уме отдельного человека. Но в каждом случае эта идея была **синтезом** других идей, которые уже существовали и активно реализовывались в культуре. А без

этих ранее существовавших, взаимодействующих элементов синтез никогда бы не произошел. Смог бы Ньютон сформулировать закон всемирного тяготения, если бы в качестве опоры у него не было закона падающих тел Галилея и наблюдений движения планет Браге, Кеплера и Коперника?

Более реалистичен взгляд на изобретения не как на вспышки молнии в умах гениев, а как на новые связи культурных элементов, которые появляются вследствие протекания культурного процесса. То, что мы называем культурным процессом, было описано Лесли Уайтом (White 1950: 76) как

поток взаимодействующих культурных элементов – орудий, верований, обычаев и т. д. В этом процессе взаимодействия каждый элемент сталкивается с другими и, в свою очередь, сам подвергается воздействию. Этот процесс может быть конкурентным: орудия, традиции и верования могут устаревать и выбрасываться из потока. Время от времени включаются новые элементы. Постоянно проявляются новые комбинации, и происходит синтез культурных элементов – изобретения и открытия...

«Гений» – это тот, кто занимает благоприятную позицию в этом процессе, так что он оказывается на месте слияния или в водовороте сходящихся культурных потоков и может ухватить и оседлать новые формирующиеся вихри и течения. Он – удачливый проводник, посредством которого происходит новый культурный синтез. Как сказал Эдвард Бисли более века назад (Beesly 1861: 171), «гениальные люди влияют на свою эпоху пропорционально тому, насколько они понимают и распознают дух своего времени».

Культурные особенности, конечно, не взаимодействуют независимо от людей и мыслей, приходящих им в голову. Человеческий мозг – это сосуд, который наполняют нематериальные аспекты природы. И это не просто пассивный сосуд. Это неврологический смесительный аппарат, в котором идеи постоянно работают и вступают в реакцию друг с другом, иногда порождая новую «смесь». И все же свойства этих новых смесей культурных элементов – изобретений или открытий – зависят не от свойств смесительного аппарата, но от свойств ингредиентов, входящих в состав.

Сущность изобретения, таким образом, зависит от культурной среды, в которой находится изобретатель. Если эта среда не обеспечивает подходящих условий для его формирования, новые идеи просто не появятся, и культурный синтез не произойдет. Идея парламентского правления, например, едва ли возникла бы в голове ориньякского охотника на оленей. Не мог и австралийский абориген изобрести систему исчисления. В самом деле, родился Исаак Ньютон арунта, он бы ее тоже не изобрел. Но кто-то другой **сделал** бы это. Независимо от Ньютона и почти одновременно с ним Лейбниц также изобрел систему исчисления. Должны ли мы приписывать эти события удивительному

и удачному совпадению? Совсем нет. Дело просто в том, что и Ньютон, и Лейбниц были погружены или помещены в один поток созревающих математических идей.

Эти и сотни других примеров одновременных, но независимых изобретений показывают, что, когда наступает время – когда культурный процесс достигает необходимой точки, – идея приходит одновременно в более чем один ум. Не требуется лучших доказательств, чем это, чтобы показать, что великие изобретения не являются необъяснимыми всплесками в непостижимых умах. Скорее, они есть детерминированные результаты появления и слияния культурных потоков.

Давайте вернемся на минуту к арунта. Причина, по которой они никогда бы не изобрели систему исчисления, не в генетической неполноценности. Нет ничего, что позволяло бы нам предположить, что среди них, как и в любой человеческой популяции, не могло быть небольшого количества индивидов с наилучшими неврологическими свойствами, необходимыми для изобретения системы исчисления. Причина их несостоятельности лежит не в генах, но в культуре. Будь у них культура и особенно математические традиции, сравнимые с таковыми в Англии середины XVII в., и какой-нибудь одаренный арунта вполне бы мог осуществить этот культурный синтез.

Британский социолог Моррис Гинсберг (Ginsberg 1932: 74) говорил об этом же десятилетия назад:

Кажется вероятным ... что процент одаренных людей довольно постоянен, в то время как выражение или реализация их потенциала ждет и зависит от возможностей, предоставляемых ситуациями исключительной активности и оживления, характерными для эпох [бурного] прогресса.

Также Кребер (Kroeber 1948: 339) отмечал, что «лишь некоторая часть всех людей, прирожденно предрасположенных быть гениями, когда-либо становится таковыми. Только небольшая часть когда-либо раскрывается или может занять определенное место в истории».

Марк Твен (Twain 1961: 151–152) выразил ту же мысль в своей характерной парадоксальной манере:

Тысячи гениев живут и умирают непризнанными – ни сами собой, ни другими. Если бы не Гражданская война в Америке, Линкольн и Грант, Шерман и Шеридан никогда не стали бы известными, и о них бы никто не узнал. Я затронул эту тему в своей маленькой книжке... «Путешествие капитана Стормфилда в рай». Когда Стормфилд попал в рай, он очень захотел увидеть таких непревзойденных и несравненных военных гениев, как Цезарь, Александр и Наполеон. Но один из давних обитателей рая сказал ему, что они здесь вовсе и не считаются военными гениями, и что они всего лишь скромные кап-ралы по сравнению с определенно колоссальным военным гением, сапожником по профессии, который жил и умер безвестным в деревне в Новой Англии и не видел ни одной битвы за всю свою зем-

ную жизнь. Его не признали, пока он жил на Земле, но в раю все стало ясно, как только он попал туда, и ему отдали те почести, которые он мог бы заслужить ...если бы на земле знали, что он был самым одаренным военным гением из всех когда-либо живших на планете...⁴

Мысли – идеи – и **ограничены**, и **навязаны**. **Ограничены**, потому что обстоятельства могут существенно ограничить то, о чем можно думать. (Мог ли даже самый одаренный ягана, когда-либо живший, дрожа на скалистом берегу Огненной Земли, сформулировать второй закон термодинамики?) **Навязаны**, потому что когда складываются соответствующие обстоятельства, определенные идеи, кажется, так и бьют неостановимым потоком, и индивиды, захваченные вихрем этих бурлящих культурных элементов, поистине **вынуждены** синтезировать их. Если кто-то в этом сомневается, прислушайтесь к Герберту Спенсеру (Spencer 1926, II: 460):

Когда понимание Эволюции охватывает вас в своей всеобъемлющей форме, желание развивать и двигать ее дальше становится таким сильным, что позволить себе провести жизнь, делая что-то еще, было бы невыносимо.

Каков же вывод, который мы должны сделать в отношении тех, кто допускает первичность мысли в порождении культурных изменений? Если все, что они могут сказать, это то, что идеи есть необходимое среднее звено между условиями и следствиями, то этот их аргумент очевиден и тривиален. Но если они придерживаются мнения, что культурный прогресс происходит только из-за того, что исключительно одаренные индивиды способны генерировать выдающиеся идеи достаточно независимо от окружающих условий, их аргументы явно ошибочны.

ВОПЛОЩЕНИЕ ИДЕЙ

Даже если признать важность идей, не играет роли, насколько оригинальной и выдающейся является какая-нибудь мысль, так как этого недостаточно. Она должна быть высажена на грядку с рассадой, где сможет дать ростки, распуститься и цвести. Кто знает, быть может, какому-нибудь неуклюжему неандертальцу-гению, серьезно размышлявшему, сдвинув брови, в какой-то момент жизни и пришла идея вожества? Но одно дело – придумать нечто, и совсем другое – реализовать. И те культурные условия, которые доминировали в эпоху среднего палеолита, просто не способствовали зарождению вожества. То же справедливо и в отношении Цезаря, или Александра, или Наполеона, или того твеновского сапожника, родись они неандертальцами. Вожества не возникли, пока не сложились подходящие условия. А когда они образовались, вожества во многих частях мира появились, как грибы после дождя. Как сказал Герберт Спенсер, «определяют условия, а не замыслы».

ОСНОВЫ ВОЖДЕСТВА

Конечно, кто-то может спросить: **каковы** были те условия, что привели к возникновению вожества? И когда эти условия возникли, какие «идеи» тогда генерировались в умах людей, что смогли обеспечить связь между условиями и следствиями?

Как я уже писал в других работах (Carneiro 1970; 1981), несколько факторов привели к тому, что деревни эпохи неолита переросли пределы местной автономии и создали политические единицы, состоящие из нескольких общин, которые мы называем вожествами. Этими условиями, по существу, стали наличие сельского хозяйства, ограничения, налагаемые социальной и естественной средой, демографическое давление и войны. Все вместе они создали необходимые и достаточные условия, которые инициировали процесс. Почти неизбежно они приводили к возникновению вожеств, а затем, на более ограниченных территориях, к появлению государства.

Итак, в какого рода идеях выразились эти условия, когда начали формироваться вожества? По моему мнению, соответствующие идеи были просты и немногочисленны и могли прийти на ум любому обычному человеку. Их было немного, помимо следующих:

1. Силой оружия захватить соседние селения.
2. Включить людей и их территорию в свою политическую единицу.
3. Взять пленных и заставить их работать как рабов.
4. Использовать своих ближайших соратников, чтобы управлять захваченными территориями, если местные лидеры организуют восстания.
5. Потребовать от подданных периодической уплаты дани.
6. Потребовать от них также предоставления воинов в случае войны.

Этой полдюжины идей было вполне достаточно, чтобы обеспечить интеллектуальный аппарат, вовлеченный в создание вожеств. Можно ли найти еще столько же более простых идей? Неужели такие мысли не могли прийти в голову кому угодно? Неужели такие мысли не приходили в голову вождю селения, который столкнулся с проблемой недостатка земли и наличия жадных соседей?

То, что эти идеи были действительно просты и приходили в голову многим вождям, наглядно подтверждают факты. Посмотрите на мир в эпоху среднего неолита и раннего бронзового века, и вы найдете **сотни** появляющихся вожеств. Более того, их базовая структура была довольно однотипной. В самом деле, чем больше мы узнаем о вожествах, тем больше они удивляют нас обилием сходств и единством закономерностей. А многократные повторения одного и того же явления, без сомнения, зачатые враги «гениальных всплесков», или идей, для которых «в окружающей среде не было никаких предзнаменований». Все как раз наоборот. Не смутными, трудными для понимания и

глубокими, а, скорее, естественными и очевидными были идеи, которые лежали в основе вожества. Таким образом, вожества сами по себе были предсказуемым и неизбежным результатом специфического набора обстоятельств. Всякий раз, когда возникали такие условия, появлялись вожества. Все было, действительно, настолько просто.

Представление о жесткой деспотической, военной основе вожества, которое я изложил выше, не всем нравится. Многие находят его непригодным и стараются выдвинуть вместо этого теорию, которая отрицала бы или ослабляла значимость элемента насилия. Кое-кто найдет утешение и ободрение в тех отрывках, которые, кажется, опровергают взгляд на природу вожеств как воинственную и автократическую. Так, они легко хватаются за характеристику Джона Эдера, данную им власти вождей у криков, чоктавов, чикасавов и чироков в то время, когда он посещал их:

...в их словаре нет слов для обозначения деспотической власти, деспотов, притесненных и покорных подданных. Власть их вождей – пустой звук. Они только могут убедить или раз-убедить людей либо силой доброго и ясного объяснения, либо приукрасив вещи, чтобы те соответствовали преобладающим настроениям (цит. по: Peebles 1983: 185).

Но, как справедливо отметил Кристофер Пиблз, положение дел, описанное Эдером, было таким в 1775, а не исконным состоянием вожеств юго-востока современных Соединенных Штатов. На самом деле, это был продукт более чем двухсот лет разрушения и декультурации, которые являлись прямыми или косвенными результатами контактов с европейцами. На протяжении XVI в., до того, как произошло это разрушение, вожествами юго-востока управляли сильные, наводившие ужас военные вожди. Так, ранний испанский хроникер, известный под именем Синьора из Эльваса, так писал о Тасталуке – верховном вожде, с которым повстречалась экспедиция де Сото:

Перед его жилищем на возвышении была расстелена циновка, на которой было две подушки, одна на другой; к ним он подходил и садился, его люди рассаживались вокруг на некотором расстоянии так, чтобы перед ним образовывался разомкнутый круг; индейцы выше рангом садились ближе к его персоне. Один из них закрывал вождя от солнца круглым зонтиком... У него было знамя, с которым он ходил в битву. Его наружность была полна достоинства, он был человеком высоким, мускулистым, худощавым и пропорционально сложенным. Он был сюзереном многих территорий и множества людей, которого одинаково боялись его вассалы и соседние народы (цит. по: Peebles 1983: 184).

Только по прошествии времени и когда удача от них отвернулась, некогда могущественные вожества юго-востока «превратились в, по сути, эгалитарные общества, образованные независимыми общинами, объединенными в рыхлые конфедерации» (Peebles 1983: 185).

ИДЕОЛОГИЯ КАК ЛЕГИТИМАЦИЯ РЕАЛЬНОСТИ

Как отмечал Карл Хаттерер, «власть легитимируется через ее использование». Иначе говоря, самый эффективный способ сделать так, чтобы власть признали и приняли, это распоряжаться ею. Так, один из императоров инков, обнаружив, что он у него есть двадцать тысяч человек, но нет для них работы, заставил сначала перенести холм с одного места на другое, а затем вернуть его на прежнее место. Большинство ослепительных символов и детально продуманных ритуалов его правления были поступками подобного рода, и это сделало инков уважаемыми, им подчинялись.

В таком случае, разве не представляется возможным избавиться идеологию от бессмысленного нагромождения причинных объяснений, в которое мы, похоже, ее превратили? Вероятно, способ добиться этого существует. Но если об идеологии и можно сказать, что она сыграла значительную роль в жизни вождества, то больше имея в виду его сохранение, чем создание. Идеология играет роль в провозглашении и поддержании авторитета верховного вождя после того, как его власть была установлена силой оружия.

Когда вождество сформировалось, его лидер все же сталкивается с серьезной угрозой: как превратить в лояльных, платящих дань поданных людей, которые незадолго до этого были его заклятыми врагами. Вождество, созданное открытой силой, должно на каком-то этапе начать ослаблять вожи. Железный кулак должен надеть бархатную перчатку. Прилагаются определенные усилия, чтобы смягчить притеснения, или, по крайней мере, оправдать их. Со временем суровый **свершившийся факт** начинает казаться естественным и правильным ходом событий. И достижение такой трансформации влечет за собой создание **идеологии** – группы совокупности мифов, символов и ритуалов, рационалистического обоснования и убеждений, призванных сделать так, чтобы все то, что приходится выносить, казалось терпимым и, может быть, даже приятным.

Хотя идеология может формироваться медленно и прерывисто, она в конечном счете может стать детально разработанной, логически последовательной и непреодолимой системой убеждений и обычаев. И если ее эффективно продвигать, то такая идеология может со временем проникнуть так глубоко в традиции вождества, что скроет и исказит его истинные корни. Беспощадные завоевания военных деспотов через несколько поколений могут таинственным образом превратиться в мирное, великодушное и добровольное присоединение людей древним вождем, который, если сам и не был богом, то, по крайней мере, был ведом божественной дланью.

И если последующие поколения подданных вводятся таким образом в заблуждение касательно того, как в действительности зародилось вождество, удивительно ли, что антропологи, борясь с той же самой проблемой, века спустя были также введены в заблуждение?

ДВА АСПЕКТА ИДЕОЛОГИИ

У идеологии две грани. Она убеждает и принуждает. Дюркгейм был прав, когда говорил, что нормы поведения «не только внешние для индивида, но, более того, щедро наделены принуждающей силой, благодаря которой они навязываются ему...» (цит. по: White 1949: 146). Внушенные индивиду культурные нормы могут побуждать человека к действию не слабее, чем острие меча.

Но культура действует тем эффективнее, чем менее она принудительна. Люди с большей готовностью следуют правилам, если эти правила кажутся не наказаниями сверху, а импульсом изнутри. Люди подчиняются с большей готовностью, когда с ними говорят тем тихим голоском совести, который не знает, что, как пронизательно заметил Шекспир, «политика стоит выше совести» (Тимон Афинский, акт III, сцена 2).

Эрих Фромм очень точно выразил эту мысль, написав, что «общество лучше всего функционирует тогда, когда люди **хотят** делать то, что они **должны** делать». Верховные вожди, следовательно, заботятся о том, чтобы идеи долга, преданности, верности насаждались среди подданных. Таким образом, как я уже говорил, тягостные и даже ненавистные задачи, такие как подчинение ограничивающим законам, уплата дани и риск жизнью и здоровьем во время войны, становятся терпимыми. В самом деле, если адекватно внушить общественные задачи подданным, то они начинают осознавать, что выполнение этих требований есть их патриотический долг. А когда преданность долгу заметно вознаграждается почетом, славой, известностью и чином, согласие с желаниями, интересами вождя обеспечено.

Позвольте мне привести лишь один пример. Обычно уплата дани считается безрадостным бременем, но вожди на Фиджи нашли способ превратить это в праздник:

Уплата налогов на Фиджи, в отличие от Британии, – писал миссионер Томас Уильямс, – ассоциируется со всем, что нравится людям. День уплаты налогов – это праздник, это день для лучших нарядов, самых приятных взглядов и самых добрых слов; это день для демонстрации ожерелий из китового уса и раковин каури, нагрудных украшений из оранжевых каури и жемчужных раковин, алых повязок на лбу, самых новомодных шейных лент; ...самые изящные тюрбаны, порошок из черного янтаря и румяна насыщенного красного цвета – все это достается в такой праздничный день. Прическа, которая сооружалась месяцами, теперь демонстрируется во всем своем совершенстве; борода, за которой долго ухаживали и теперь внесли последний штрих, становится объектом особого внимания; тело умащивается самыми благоухающими маслами и украшается самыми яркими цветами и самыми элегантными одеждами.

Житель Фиджи вносит свою дань со всяческими выражениями радостного возбуждения, которое разделяет все племя. Собираются толпы зрителей, а король и его свита принимают подать, которая

отдается с песней и танцами и принимается с улыбкой и аплодисментами. После этой сцены налогоплательщики отбывают для участия в пире, даваемом их королем.

И затем Уильямс добавляет: «Конечно, политика, которая так может превратить уплату налогов в “источник удовольствия”, не заслужит презрения» (Williams 1870: 31–32).

Итак, мы вновь видим, что чем тяжелее покров ритуалов, тем с большей готовностью выполняются приказания вождя его подданными, так как они верят, что это идет во благо всего общества. И, конечно, это облегчает вождю решение перманентной задачи удержания вождества под своим твердым контролем.

Теперь, когда политические обязанности, смягченные таким образом, вдобавок сдобрены религиозным значением и санкциями, шелковый шнур идеологического принуждения затягивается еще туже. Когда желание вождя становится также и волей божеств, а согласие с ним награждается обещанием славной загробной жизни или еще какого-то сверхъестественного вознаграждения, кто будет возражать? И чтобы придавить хребет тем, кто мог бы возразить, часто добавляется угроза скорых и ужасных кар со стороны божеств, если приказ не будет исполнен.

Как я предположил ранее, вождество (или государство) может быть настолько прикрыто религиозными атрибутами, что создается ложное впечатление, будто бы с самого начала это была мирная теократия. Реальный сценарий, однако, мог быть следующим. Вождество, появившееся в результате завоевания, по-видимому, могло расширить свои границы до естественных географических пределов, после чего войны могли прекратиться или, по крайней мере, стать гораздо более редкими из-за отсутствия врагов. Таким образом, лишенный своей изначально военной роли верховный вождь в стремлении сохранить власть мог начать присваивать все больше и больше религиозных атрибутов и функций. Со временем вождество, возможно, приобрело все внешние атрибуты мирной теократии, и если бы кто-нибудь наблюдал за ним на этом этапе, то мог бы с легкостью спроецировать отсутствие войн в сочетании с искусно и детально продуманной религиозной ролью вождя на самую начальную стадию формирования вождества. Хотя, если бы мы знали раннюю историю вождества, мы бы точно разглядели его военные корни. Если нам нужно использовать только четкие краски, то будет более точным описывать вождество как светскую военную тиранию, нежели миролюбивую теократию.

Однако необходимо сделать предостережение. Увеличение количества ритуалов, мифов и символов не всегда означает соответствующий рост политического контроля. Все может быть и наоборот. Мартин Р. Доорнбос обратил внимание на тот факт, что расцвет церемониализма в вождестве или государстве фактически может маскировать его упадок и надвигающийся распад. Основываясь на своем исследо-

вании королевства Анколе в Восточной Африке, Доорнбос (Doornbos 1985: 25, 34) пишет:

... даже если политический институт все больше и больше украшается позолотой и богатством, его реальные функции могут, тем не менее, ослабевать. И когда большинство упоминаний об институте начинают связывать с его великолепием и церемониалом, а не с какой-нибудь эффективной... ролью, которую он когда-то играл, можно не без основания предположить, что он утратил суть своих прежних роли и положения... Проявляется обратная корреляция, а именно: чем больше церемониализируется та или иная роль, тем слабее реальная сила приказов тех, кто ее играет.

До того как вождество или государство достигнет этапа старения, его идеология может хорошо отражать кое-что из особенностей его природы и структуры. Так, даже если мы знаем только идеологию политики, мы в состоянии сделать выводы и о многих других связанных с ней вещах. Обратим внимание на религиозную иконографию, которая часто является материальным воплощением в искусстве определенных идей, важных для общества, и возьмем, к примеру, чавин, о чьей культуре в целом известно очень мало. Из всего того, что мы знаем, многое черпается из идеологии, отраженной в религиозной иконографии. И хотя кое-кто может истолковать его иначе, для меня это искусство означает сильную военную основу общества чавин. И если для него была характерна сильная, всепроникающая религиозная надстройка – церковь, то это была воинствующая церковь, поставленная на службу воинственному государству. В противном случае почему доминирующими символами религии чавин были такие существа, как ягуары и орлы, а не, скажем, морские свинки или бабочки?

СТРУКТУРНЫЕ СХОДСТВА И ИХ ЗНАЧЕНИЕ

Чем больше мы смотрим на вождества по всему миру – на юго-востоке США, на островах в Карибском море, в Западной, Центральной и Восточной Африке, в Полинезии, – тем больше нас поражает сходство элементов их структуры. И это относится не только к общему строению, но также и к мелким деталям. Так, мы прослеживаем многие сходные черты в вождестве за вождеством: вождь имеет власть над жизнью и смертью своих подданных, он терпим к полигинии, его носят на носилках, ему выражают почтение, хоронят в отдельной могиле вместе с женами и слугами и т. д. и т. п. И, как мы отмечали ранее, чем больше параллелей обнаруживается в организации вождеств, тем увереннее можно говорить о вождестве как о естественной, детерминированной, предсказуемой и даже неизбежной стадии социальной эволюции, и, наоборот, тем меньше они выглядят результатом единичного и случайного скопления необычных идей.

Выводы

Теперь пришло время сделать некоторые выводы. Если идеи обязательно предшествуют поступкам, то идеи действительно должны быть

предтечами всего, что появлялось при зарождении вождества. Тем не менее идеи не являются «беспричинными причинами». Они не вытекают из неопределенных и необъяснимых источников. Идеи в основе вождества не настолько основательны и трудны для понимания, чтобы требовать наличия одаренного ума для их формулирования. Условия, которые привели к зарождению вождеств, были просты, широко распространены и повторяемы. И, объясняя возникновение вождества, мы наверняка преуспеем больше, если внимательно рассмотрим эти условия, чем если попытаемся проникнуть в умы тех индивидов, которые были обусловлены ими.

ПРИМЕЧАНИЯ

* Впервые опубликовано в журнале *Social Evolution & History*, июль 2002, т. 1, № 1, с. 80–100 на английском языке под названием «Was the Chiefdom a Congelation of Ideas?». Перевод выполнен по указанному изданию

¹ Можно привести сколько угодно примеров выражения этого взгляда. Так, американский клерикал Фрэнсис Х. Джонсон (Johnson 1884: 638) считал «неоспоримым фактом то, что разум есть единственная порождающая причина, о которой мы знаем все...», добавляя, что «в нашем опыте реальных причинно-следственных связей универсален процесс не от материи к разуму, но от разума к материи». А выдающийся британский историк Джон Б. Бьюри (Bury 1930: 46) говорил об «истории, в которой мысль является характерным признаком и направляющей силой...».

² Обращение к «гениям» как к первичному двигателю культуры иногда имеет место и в антропологии. Так, Роберт Г. Лоуи (1940: 25) писал:

Огромное значение земледелия, следовательно, состоит не в том, что оно сделало для человечества, когда впервые было внедрено, но в том, что оно было способно достичь после того, как было значительно усовершенствовано. Искусные земледельцы Перу могли прокормить, вероятно, около трех миллионов человек. Это означало, что еще больше гениальных людей могло родиться...

(Другие примеры привлечения антропологами «гениев» к объяснению культурного прогресса см.: Wissler 1923: 331; Swanton 1930: 368; Childe 1935: 5–6; Voas 1945: 76; Kenyon 1959: 40).

³ Еще до того как Уильям Джеймс столь беззастенчиво провозгласил это, Дж. Ф. МакЛеннан (McLennan 1876: 231) был хорошо осведомлен о таком способе мышления и обдавал его презрением, называя, по словам Дугалда Стюарта, «бездеятельной философией, которая апеллирует к чуду, как только оказывается не в состоянии объяснить что-либо в мире природы и морали». (Я признателен Джорджу У. Стокингу-младшему [Stocking, Jr. 1987: 168] за то, что он обратил мое внимание на этот отрывок).

⁴ Еще один аспект вопроса о гениях, который получает недостаточное внимание, это вопрос о человеке с интеллектом чуть выше среднего, который, будучи ввергнут обстоятельствами в исключительно благоприятные условия, способен осуществить величайший культурный синтез. По моему мнению, Чарльзу Дарвину не хватало интеллектуальной остроты некоторых его современников, таких как Герберт Спенсер или Томас Генри Хаксли. Хотя, применяя разум, которым он обладал, к своей главной проблеме и делая это с необычайным упорством, он смог достичь того, что, вероятно, явилось наиболее далеко идущим интеллектуальным триумфом всех времен.

ЛИТЕРАТУРА

- Allen, G.** 1881. Genesis of Genius. *The Atlantic Monthly* 47: 371–381.
- Beesly, E. S.** (Anonymous) 1861. Mr. Kingsley and the Study of History. *The Westminster Review* 19: 161–178.
- Boas, F.** 1945. *Race and Democratic Society*. New York: J. J. Augustin.
- Bury, J. B.** 1930. *Selected Essays of J. B. Bury*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Carneiro, R. L.** 1970. A Theory of the Origin of the State. *Science* 169: 733–738.
1973. Classical Evolution. In Naroll, R., and Naroll, F. (eds.), *Main Currents in Cultural Anthropology* (pp. 57–123). New York: Appleton-Century-Crofts.
1981. The Chieftdom: Precursor of the State. In Jones, G. D., and Kautz, R. R. (eds.), *The Transition to Statehood in the New World* (pp. 37–79). New York: Cambridge University Press.
- Childe, V. G.** 1935. *New Light on the Most Ancient East*. Rev. ed. London: Kegan Paul, Trench & Trubner.
- Comte, A.** 1830–1842. *Cours de Philosophie Positive*. 6 vols. Paris: Bachelier.
- Doornbos, M. R.** 1985. Institutionalization and Institutional Decline. In Claessen, H. J. M., van de Velde, P., and Smith, M. E. (eds.), *Development and Decline*, (pp. 23–35). South Hadley, MA: Bergin and Garvey.
- Emerson, R. W.** n.d.a. History. In *Essays by Ralph Waldo Emerson* (pp. 1–26). New York: Hurst.
- n.d.b. Self-Reliance. In *Essays by Ralph Waldo Emerson* (pp. 25–57). New York: Hurst.
- Frazer, J. G.** 1913. *Psyche's Task*. 2nd ed. London: Macmillan.
- Ginsberg, M.** 1932. *Studies in Sociology*. London: Methuen.
- Gumpłowicz, L.** 1899. *The Outlines of Sociology*. Philadelphia: American Academy of Political and Social Science.
- James, W.** 1880. Great Men, Great Thoughts, and the Environment. *The Atlantic Monthly* 46: 441–459.
- Johnson, F. H.** 1884. Mechanical Evolution. *The Andover Review* 1: 631–649.
- Kaplan, J.** 1983. *Mr. Clemens and Mark Twain*. New York: Simon & Schuster.
- Kenyon, K. M.** 1959. Some Observations on the Beginnings of Settlement in the Near East. *Journal of the Royal Anthropological Institute* 89: 35–43.
- Kroeber, A. L.** 1948. *Anthropology*. New York: Harcourt & Brace.
- Lally, F. E.** 1942. *As Lord Acton Says*. Newport, RI: Remington Ward.
- Lowie, R. H.** 1940. *An Introduction to Cultural Anthropology*. New York: Rinehart.
- McLennan, J. F.** 1876. *Studies in Ancient History, Comprising a Reprint of Primitive Marriage*. London: Bernard Quaritch.
- Mill, J. S.** 1856. *System of Logic*. 4th ed. 2 vols. London: J. W. Baker.
- Parsons, T.** 1966. *Societies: Evolutionary and Comparative Perspectives*. Englewood Cliffs, NJ: Prentice-Hall.
1972. General Introduction. In Lidz, V., and Parsons, T. (ed.), *Readings on Pre-modern Societies* (pp. 1–13). Englewood Cliffs, NJ: Prentice-Hall.
- Payne, W. M.** 1900. American Literary Criticism and the Doctrine of Evolution. *The International Monthly* 2: 26–46.
- Peebles, C. S.** 1983. Moundville: Late Prehistoric Sociopolitical Organization in the Southeastern United States. In Tooker, E. (eds.), *The Development of Political Or-*

ganization in Native North America (pp. 183–198). Washington, DC: The American Ethnological Society.

Pitt-Rivers, A. H. L.-F. 1906. *The Evolution of Culture and Other Essays*. Oxford: Clarendon.

Redfield, R. 1955. *The Little Community*. Chicago: University of Chicago Press.

Spencer, H. 1890. *The Principles of Sociology*. Vol. 2. New York: D. Appleton.

1891. Reasons for Dissenting from the Philosophy of M. Comte. In *Essays: Scientific, Political, and Speculative*. Vol. 2 (pp. 118–144). London: Williams and Norgate.

1926. *An Autobiography*. 2 vols. London: Watts.

Stocking, G. W., Jr. 1987. *Victorian Anthropology*. New York: The Free Press.

Swanton, J. R. 1930. An Indian Social Experiment and Some of Its Lessons. *The Scientific Monthly* 31: 368–376.

Twain, M. 1961. *The Autobiography of Mark Twain*. New York: Washington Square Press.

Ward, L. F. 1883. *Dynamic Sociology*. 2 vols. New York: D. Appleton.

White, L. A. 1949. *The Science of Culture*. New York: Farrar & Straus.

1950. The Individual and the Culture Process. *Centennial, American Association for the Advancement of Science* (pp. 74–81). Washington, DC: American Association for the Advancement of Science.

Williams, Th. 1870. *Fiji and the Fijians*. 3rd ed. London: Hodder & Stoughton.

Wissler, C. 1923. *Man and Culture*. New York: Thomas Y. Crowell.